

ИСПЫТАНИЕ АДОМ

Наша общественность, прежде всего люди старшего и среднего поколения, довольно хорошо знают о трагической судьбе известного советского разведчика, Героя Советского Союза, полковника Льва Маневича. Он с честью выполнил свой гражданский и служебный долг перед Родиной, внес свой заметный личный вклад в победу над врагом. О Маневиче написано немало, и одна случайная встреча на воронежской земле с человеком, который знал его лично, добавляет новые черты к портрету мужественного чекиста. Об этом и хочется рассказать.

Подписывая очередную стандартного содержания справку, подтверждающую время пребывания нашего соотечественника в плену, я обратил внимание, что ее получатель — Иван Федорович Соколов — был пленен в мае 1942 года, а в июле 1944 года переведен в концлагерь Маутхаузен, откуда, как и из Бухенвальда, редко кому удавалось выходить живым. Мелькнула мысль: донесли в гестапо об его партийном прошлом или что-то натворил фашистам. Появилось желание лично поговорить с ним, чтобы узнать причину такого трагического поворота в его и без того незавидной судьбе военнопленного.

Фото из семейного альбома
Льва Маневича

Дрожавшими руками Иван Федорович вытащил из внутреннего кармана пиджака слуховой аппарат — это ежедневное зловещее напоминание о фашистских истязаниях — и начал рассказ о своей одиссее с неоднократными паузами от подступавшего к горлу комка и слез.

Родился он в селе Старая Ольшанка бывшего Ведугского, а ныне Семилукского района в семье крестьян. После средней школы некоторое время работал учителем, затем был призван на действительную службу, а в мае 1942 года, будучи командиром взвода артполка, попал под Харьковом в плен.

Начались бесконечные хождения по мукам: сначала лагеря для военнопленных на временно оккупированной территории, затем рабочие команды и лагеря в Германии. В июне 1944 года он попадает в немецкий госпиталь, где уже от лояльно настроенных немцев получил информацию о героических действиях Красной Армии и открытии второго фронта. Потихоньку начал вести подготовку к побегу, однако вскоре об этом узнает гестапо. Его арестовывают и бросают в Маутхаузен. В тощей папке фильтрационных материалов так и написано: «За подготовку к побегу и антифашистскую агитацию». Нужно ли рассказывать, что пришлось пережить в лагере.

Это логово смерти лично я посетил сорок лет спустя после войны в качестве экскурсанта и до сих пор вспоминаю, как шевелились на голове волосы и мурашки пробегали по телу при одном только виде орудий пыток и истязаний.

Иван Федорович хорошо помнил, как между заключенными передавалась информация о стойкости и патриотизме одного из генералов Красной Армии, узника Маутхаузена, который отверг предложения фашистов о сотрудничестве и осознанно пошел на нечеловеческие страдания, превратившись от изощренных пыток палачей в ледяную глыбу, сохранив ценой своей жизни честь и достоинство русского советского генерала. О стойкости этого человека среди узников ходили легенды, но только выйдя из лагеря, Соколов узнал, что этим генералом был Карбышев — гордость и совесть русского народа.

Вновь немного успокоившись, Иван Федорович продолжил свой рассказ:

— Однажды ко мне подошел бледный и до предела изможденный концлагерник в полосатом рубище, на ногах — деревянные колодки. Скелет-скелетом. И спросил: «Как дела, рус Иван?» Я не удивился такому обращению, ставшему в концлагере интернациональным, и ответил: «Сердце будущим живет. Наше дело правое».

Помолчав, незнакомец начал расспрашивать, откуда я родом, кто мои родители, есть ли семья. Вначале я, естественно, отвечал уклончиво, помня, что нахожусь в концлагере, где надо соблюдать осторожность, тем более что собеседника видел впервые. Затем неожиданно спросил, люблю ли я поэзию Пушкина и вообще кто мои любимые поэты. Я назвал Пушкина, Лермонтова, Маяковского и Есенина, при этом подчеркнул, что последний мною особенно любим.

— А в концлагере читаете ли вы кому-нибудь стихи на память? — спросил он мягким голосом.

— Здесь голодным очень трудно читать и слушать.

— Что вы, что вы, — весьма эмоционально он перебил меня, — непременно надо читать. И Пушкина, и Лермонтова, и Есенина. Стихи будут поддерживать и укреплять дух, а для выживания это уже немало.

Когда незнакомец уходил, с убежденностью сказал: «Да, рус Иван, наше дело правое...» После этой непродолжительной беседы я почувствовал какое-то душевное облегчение. Не только потому, что он завел разговор о моих любимых поэтах, а потому, что от моего собеседника исходила искренность, обаяние и доброта. От меня он перешел к группе итальянцев и начал беседовать с ними по-итальянски, активно жестикулируя руками, как и его собеседники. Чуть позже мой товарищ сказал, что со мной беседовал полковник Старостин. Он почти ежедневно подходил ко мне, и мы постепенно стали сближаться, он всегда тепло говорил о нашей стране, в которой, по его словам, высшим достижением является справедливое решение социальных проблем. Видя, с какой радостью я воспринимаю его слова, он проникся ко мне доверием.

Однажды, уже тяжело больной, он признался мне, что является советским разведчиком под псевдонимом «Этьен», а настоящее его имя — Маневич Лев Ефимович. Сказал, что в Москве живут его жена Надежда Дмитриевна и дочь Татьяна, назвал адрес и просил, если удастся, посетить их и рассказать все о нем.

Эту просьбу разведчика Иван Федорович Соколов выполнил: он трижды посетил родных Маневича.

А читателям хочу напомнить, кто такой «Этьен». Лев Маневич девятнадцатилетним юношей добровольно вступил в Красную Армию. Сражался за Советскую власть в Баку, а затем против Колчака. Учился в Военно-воздушной академии имени Жуковского. Но не суждено было осуществиться его мечте: в академии обратили внимание на незаурядные способности, знание трех европейских языков и оформили на работу в разведку. Вскоре под псевдонимом «Этьен» он был направлен в качестве нелегала в Италию, где добывал ценную информацию о состоянии и тактико-технических данных авиации стран фашистской коалиции.

В результате одного прокола контрразведка фашистской Италии выслеживает его и арестовывает. Самым парадоксальным является то, что уже в тюрьме Маневичу из общения с другими арестованными антифашистами, ранее работавшими на оборонных заводах Италии, удавалось получать исключительно ценные для нашей страны сведения. Так, весьма высоко была оценена его информация из тюрьмы о размещении Японией заказов на морозоустойчивые самолеты, вскоре подтвержденная донесением Рихарда Зорге, рецепт броневой стали заводов Круппа, описание новых цейсовских прицелов для бомбометания и многое другое.

Не сломили волю разведчика выпавшие на его долю тяжелейшие испытания в концентрационных лагерях Германии и Австрии. У него была возможность облегчить свою участь при аресте в Италии, где трибунал приговорил его к двенадцати годам лишения свободы. Для этого он должен был раскрыть себя и написать прошение о помиловании. Из Центра ему был передан приказ подписать такое прошение. От этой возможности Маневич отказался по идейно-принципиальным соображениям, так как «подобный поступок может поколебать стойкость товарищей по заключению — итальянских коммунистов», и «не подобает командиру Красной Армии писать прошение о помиловании».

В личное дело Маневича подшиты такие характеристики: «Отличных умственных способностей... Попав в тяжелые условия, вел себя героически, показал исключительную выдержку и мужество...»

— Но мало кто знает еще об одном благородном поступке Маневича в концлагере, — продолжил свой рассказ Иван Федорович. — Будучи переведенным в лагерь Эбензее, он вовремя предупредил военнопленных о намерении фашистов загнать всех узников в штольные и взорвать ее, чтобы таким образом замести следы

своих злодеяний. Он сам и близкие его соратники по лагерю о преступных планах фашистов рассказывали заключенным, после чего те отказывались идти в штольню и спасались от погребения там живыми...

В 1965 году этому поистине легендарному разведчику было присвоено звание Героя Советского Союза.

Считаю уместным поместить здесь вот эти слова Константина Симонова: «...Профессия разведчика такова, что он обычно становится тем знаменитей, чем дольше остается никому не известным».

Полная неизвестность, жизнь в обстановке глубочайшей тайны порой тянется годы. А известность иногда приходит только посмертно. Именно так было с Зорге, так случилось и с Маневичем.

Мы узнали настоящее имя Этьена только в двадцатую годовщину нашей Победы над фашизмом, когда полковнику Маневичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ЛИЧНЫЙ АДЪЮТАНТ ГЕНЕРАЛА-ПРЕДАТЕЛЯ

В руководимом мною контрразведывательном подразделении Воронежского управления КГБ была группа розыска военных преступников. А таких фашистских пособников, карателей и предателей, руки которых были по локоть в крови невинных советских людей, было немало. Официальные данные о численности этих преступников таковы: органами госбезопасности СССР с 1944 по 1956 годы было разоблачено 674 383 фашистских пособника, агента и карателя. Это тоже правда о войне.

Группа работала довольно успешно, нам периодически удавалось разыскивать тщательно маскировавшихся преступников и привлекать их к ответственности. Хорошо помню, как разыскали одного предателя Родины, который лично расстрелял 37 красноармейцев, вышедших из окружения. Был установлен и преступник, который в составе разведывательно-диверсионной группы был заброшен в Сумскую область. После удачного приземления он выдал врагам всю группу, которая была расстреляна. Этот предатель после не до конца продуманной встречи с ним журналиста покончил собой...

Успешной работе группы способствовало и то, что одним из негласных источников подразделения был бывший личный адъютант генерала-предателя Власова — назовем его «Янусом», — который лично знал многих активных карателей.

Он сам был изменником Родины и не скрывал, что добровольно в 1942 году перешел на сторону врага. После ареста в 1945 году ему светило 25 лет лагерей — это в лучшем случае, а скорее всего поставили бы его к стенке.

Но в руководстве МГБ СССР разумно решили: зачем адъютанта определять в расход, когда он может стать для органов незаменимым агентом-опознавателем, поскольку лично знал многих активных карателей. Это решение было оправданным: нашему «Янусу» иногда приходилось выезжать и в другие города, где ему в конспиративных условиях показывали подозреваемого, а он должен был говорить следствию «да» или «нет».

Не могу назвать точную цифру — просто не знаю, но думаю, что не без его помощи не одна сотня предателей была отправлена на сибирский или магаданский лесоповал, а кое-кого могли и приговорить к высшей мере наказания в зависимости от тяжести совершенных преступлений.

С «Янусом» работал мой заместитель, к сожалению, ныне уже покойный, иногда с ним встречался и я. Вспоминаю, как во время первой встречи мой зам, любивший юмор, задал ему провокационный вопрос.

— Вот если бы мы с Анатолием Кирилловичем в 1943 году оказались в ваших руках, вы, наверное, не раздумывая шлепнули бы нас?

— Точно бы шлепнул, — без всякого стеснения ответил он. Затем, видимо, одумавшись, понял, что допустил перебор, добавил: — Нет, вас бы не шлепнул.

У нас же никаких сомнений не было: для завоевания большего доверия у немцев с удовольствием бы пустил нас в расход.

Детально причинами его перехода к врагу мы не особенно интересовались — до нас все выяснили, но скажу, что каких-то серьезных обид на советскую власть у него не было. Хочу напомнить, что в первый год войны, когда немцы в декабре уже были под Москвой, часть наших людей духовно была надломлена, не верила в победу, точной информацией об обстановке на фронтах не располагала. Свои радиоприемники население обязано было сдать органам власти, но зато массово разбрасывались фашистами листовки, в которых писали о разгроме Красной Армии и обещали райскую жизнь при оккупантах.

«Янус» был человеком авантюрного характера. Пережитые им не единичные стрессы серьезно подорвали его здоровье, и он умер здесь от болезней.

Однажды мы предложили начальнику воронежского управления генералу Николаю Григорьевичу Минаеву попросить писателя Ю.Д. Гончарова встретиться с «Янусом». То есть расшифровать его перед писателем — естественно, с согласия агента, — чтобы получить дополнительные сведения о преступлениях генерала Власова, поскольку уже в то время, не говоря уже о сегодняшнем дне, среди пишущей братии были лица, оправдывавшие предательства Власова. Однако эта фальшь легко опровергается имеющимися архивными документами.

В моем архиве есть копии протоколов допросов начальника штаба РОА («Российской Освободительной Армии», созданной Власовым) генерала Трухина и некоторых других командиров этой армии, которые дают ответы на многие вопросы. В частности, они начисто опровергают утверждения, что переход Власова к врагу был совершен по политическим мотивам. Генерал Власов был обласкан Сталиным и Советской властью. Разве не об этом свидетельствует решение Сталина направить его в числе первых советчиков в Армию Чан-Кайши, присвоение ему в 1942 году звания генерал-лейтенанта и награждение орденом Ленина. В его аттестации после академии записано: «Предан делу Ленина-Сталина и Коммунистической партии».

Оказавшись в окружении, начальник штаба армии Виноградов, комиссар Зуев и начальник особого отдела Шашкин предпочли плену смерть — покончили жизнь самоубийством, а Власов сбежал к немцам, бросив на произвол судьбы своих солдат и офицеров. С первых дней пребывания у немцев Власов своими антисоветскими листовками и воззваниями стремился доказать врагу свою ненависть к советскому строю и завоевать доверие у фашистов.

Что касается слухов о наличии у Власова «миллионной армии», то генерал Трухин рассказал, что в самый пик ее наполнения в апреле 1945 года в ней насчитывалось не более 50 тысяч солдат и офицеров, в основном завербованных в концлагерях.

Гитлер и его окружение, памятуя библейское предупреждение «предавши раз», к Власову с самого начала относились с недоверием, именно поэтому никто из видных руководителей рейха его так и ни разу и не принимал.

В 1943 году спецслужбам Германии стало известно, что Власов пытается установить контакты с американцами и англичанами за спиной у немцев, а в 1945 году таких попыток у предателя было уже десять. Обещая передать своим новым хозяевам весь свой агентурный аппарат, созданный для работы против СССР и официальных сотрудников своей разведки, Власов после поражения фашистской Германии планировал вместе с американцами и англичанами ударить по Советскому Союзу.

Западные союзники не пошли на контакт с ним. Власов делает последнюю попытку спастись: из-под Праги он телеграфирует советскому командованию свои условия: «Могу ударить в тыл вражеской группировки немцев. Условие — прощение мне и моим людям». Ответа не последовало. Вскоре он был задержан.

Надо подчеркнуть: его имя стало символом предательства, именно поэтому основная масса белой эмиграции не признала Власова в качестве идейного знамени — за исключением атамана П. Краснова, генерала А. Шкуро и еще четырех генералов.

«Янус» также характеризовал своего бывшего шефа как человека двуличного, беспринципного и лживого, готового ради достижения своих корыстных целей шагать по трупам неугодных, а порой и вчерашних близких.

Начальник управления Н.Г. Минаев после согласования вопроса с Москвой дал свое «добро» на расшифровку «Януса» перед писателем Ю.Д. Гончаровым. Я точно не помню, сколько раз Юрий Данилович встречался с «Янусом», но в итоге от нашего предложения он отказался категорически.

На приеме у начальника управления он сказал:
— Душа не лежит писать о предателях.

Его отказ был нам понятен. Честная, чистая и принципиальная душа патриота-фронтовика не могла смириться с тем, что он говорит с одним предателем с целью получения дополнительных сведений о другом предателе, первый из которых свою шкуру спасал, отправляя на эшафот своих вчерашних поделщиков. Я даже допускаю, что после встречи с «Янусом» писатель тщательно мыл свои руки...

Что касается моих взаимоотношений с писателем Ю.Д. Гончаровым, то они продолжались до самой его кончины, всегда были добрыми и, насколько я чувствовал, взаимно уважительными. Он периодически приходил в управление, чтобы получить от нас некоторые интересующие его архивные материалы по периоду Великой Отечественной войны. Я его уважал и как писателя, и как фронтовика, который в поисках правды о войне всегда стремился докапываться до сути.

